

Афганский конфликт обретает международные масштабы

Аналитическая записка

Ахмед Айдамиров

Военная победа США нереальна

Попытка Вашингтона наладить диалог с талибами с целью постепенно трансформировать их в нечто вроде политической партии встречается со многими преградами, хотя это неплохой курс. Военную победу большинство аналитиков считают нереальной.

Во-первых, во главе движения «Талибан» стоят гордые горцы, которые не готовы отказаться от сотрудничества с «Аль-Каидой»;

Во-вторых, даже при расколе движения все равно сохранится экстремистское крыло;

В-третьих, талибов очень непросто усадить за один стол с президентом Афганистана Хамидом Карзаем, которого они считают не более чем «мэром Кабула». В их глазах он является предателем,

и при успешном диалоге его политическая роль неизбежно понизится.

По оценкам экспертов, в Афганистане мировое сообщество решает три задачи:

– создание «нормального» государства;

– предотвращение использования афганской территории международными террористами, под которыми прежде всего имеется в виду «Аль-Каида»;

– решение проблемы производства наркотиков и наркотрафика.

США, Канада и группа европейских стран в 2001 г. взяли на себя ответственность за решение афганской проблемы, а к концу десятилетия фактически признали, что от этого решения они еще дальше, чем прежде.

АЙДАМИРОВ Ахмед Мусаевич – политолог. E-mail: u50@r50.nalog.ru

Ключевые слова: Берлинская стена, пояс безопасности, талибы, исламские радикалы, международный терроризм.

У западников есть еще один вариант: возвести вокруг Афганистана стену вроде Берлинской, наглухо изолировав его от внешнего мира. Эта идея – создание «поясов безопасности» по периметру афганских границ – была выдвинута на Международной конференции по постконфликтному обустройству Афганистана в Берлине еще в 2004 г.

Для России талибы остаются поводом для сохранения ее политического и военного присутствия в Центральной Азии, в частности через созданную под российским влиянием Организацию Договора о коллективной безопасности.

Китай – может опасаться талибов, так как для него проблема исламского радикализма, связанная с Синьцзян-Уйгурским автономным округом, весьма актуальна.

Помимо этого и для Пекина, и для Москвы неудачи коалиции в Афганистане – лишнее свидетельство неспособности Запада в одиночку решать глобальные проблемы.

Экспансия «Талибана» в северном направлении, в сторону Центральной Азии, пожалуй, невозможна даже при возникновении политических конфликтов в некоторых странах региона. Мак-

симум, на что способны талибы, это публичное выражение солидарности, оказание идеологической, а также сравнительно небольшой военной помощи своим единомышленникам – исламским радикалам, если у тех появится шанс стать влиятельной политической силой.

Потенциал центральноазиатской исламской оппозиции, в первую очередь, определяется внутренними факторами: неспособность местных властей решать экономические и социальные проблемы провоцирует мусульманское население на протестные действия, которые неизбежно будут сопровождаться апелляцией к исламу. Роль талибов, таким образом, может быть только вторичной.

Для центральноазиатских режимов соседство талибов – дополнительный повод для закручивания гаек. Он особенно удобен сейчас, когда они налаживают отношения с США и Европой и рассчитывают избежать критики за нарушения прав человека.

Для Буша и его команды удар по Афганистану в стратегическом плане был вторичным; все внимание было сосредоточено на Ираке, на Саддаме Хусейне (хотя он и не имел никакого отношения к сентябрьской трагедии).

Афганистан и иностранное присутствие

Отношение афганского населения к иностранному присутствию – хоть советскому, хоть американскому – было одинаково неприязненным. В обоих случаях результатом стала не стабилизация, а углубление внутреннего конфликта. Однако, как и двадцать лет назад, вывод иностранных войск из Афганистана невозможен, в частности, потому что это бы означало бросить на произвол судьбы своих ставленников.

Если Хамид Карзай останется с талибами один на один, они снова могут

выйти победителями. Еще одна параллель: ни Москва, ни Вашингтон не сумели до конца определить, кто является их основным противником.

Для США главный противник, базирующийся на афганской территории, международный терроризм и поддерживающие его талибы. Однако терроризм и его главный субъект «Аль-Каида» опираются отнюдь не только на афганских талибов. Сеть «Аль-Каиды» обширна, ее структура не иерархична; не исключено, что пока ее будут преследовать в Афганистане она еще более

укрепит свои позиции в других частях света. Джихадистов все более привлекают открытые общества передового мира, которые они рассматривают как неиссякаемый источник добычи.

Талибов определяют и как национальное движение, и как освободительное, цель которого освободить Афганистан от иностранного присутствия. Такая дефиниция в принципе могла бы иметь право на существование, если бы не тот факт, что конечной целью «Талибана» является не изгнание войск коалиции, а установление собственной власти. Наиболее распространенным является определение талибов как религиозных экстремистов.

Официальное руководство Афганистана настаивает, что талибы не пользуются популярностью среди афганского населения.

Например, выступая на конференции «Региональная безопасность в окружении Афганистана: насколько эффективна борьба с терроризмом?», состоявшейся в Алматы (март 2009 г.), заместитель советника афганского президента по национальной безопасности Хамаюн Тандар утверждал, что их поддерживает не более 4% населения¹.

Однако утверждению насчет 4% поддержки противоречат данные о том, что по сравнению с 2007 г. талибы существенно расширили свое военное присутствие: тогда оно распространялось на 54% афганской территории, а в 2008 г. – уже примерно на 72%.

Речь идет не о контроле, но именно о присутствии.

Есть ли выход из афганского тупика?

Теоретически можно пытаться отделить талибов от международного экстремизма, который препятствует этому движению в осуществлении его главной задачи – установления в Афганистане собственной власти. Но в действительности «оторвать» их друг от друга, равно как разорвать связь

Точные данные о талибском контроле представить крайне трудно. Считается, что талибы распоряжаются в 7 провинциях Афганистана, а есть мнение, что в ночное время они контролируют всю страну.

Нет ясности с численностью вооруженных талибов.

По некоторым данным, к 2003 г. было разоружено 65 тыс. боевиков², однако почти та же цифра – 60 тыс. активных «штыков» – остается актуальной и сегодня. Словом, речь идет о десятках тысяч вооруженных бойцов, владеющих тактикой партизанской борьбы, которые, в отличие от регулярной армии Ирака, едва ли выйдут из боя при первом военном натиске.

Говоря о «Талибана», необходимо учитывать разные его характеристики. Это – национальное, а не этническое, то есть не чисто пуштунское движение (пуштуны составляют 44% населения страны), ибо оно стремится к воссозданию афганского национального государства, а не «Пуштунистана».

В том, что формированию «Талибана» способствовали пакистанские спецслужбы, нет ничего чрезвычайного. Они, как их союзники и консультанты американцы, использовали почву, уже подготовленную ранее советскими политиками. Рано или поздно идея социального протеста, борьба за справедливость, за независимость, обремененная в религиозную форму, должна была проявиться. Об этом свидетельствует опыт всего мусульманского мира.

между их вождем Муллою Омаром и Усамой Бен Ладеном, едва ли реально. Возможность и даже необходимость переговоров с талибами, как уже отмечалось, постоянно обсуждается. Некий усредненный вариант сводится к тому, чтобы сначала нанести военное поражение экстремистской части талибов, а

затем приступить к переговорам с их умеренной (попросту говоря, уцелевшей) фракцией. В этой схеме поражение наносят силы коалиции, в то время как субъектами переговоров становятся не только коалиция, но также и кабульское правительство (Карзай или тот, кто придет ему на смену).

Говоря о путях выхода из афганского кризиса, пожалуй, многие эксперты сходятся лишь в одном: разрешить его собственными силами афганцы не могут, так что решающую роль предстоит сыграть внешним силам. Поэтому первоочередное значение приобретает вопрос о том, как долго будут находиться в стране иностранные войска и насколько эффективными будут их действия.

Можно рассуждать о вариантах решения и политических, и социальных вопросов в стране.

В первой версии развития событий войска коалиции одерживают сравнительно быструю (за 1–2 года) победу, создают эффективные государственные институты, закладывают прочные основы гражданского общества и покидают страну.

Но даже при таком фантастическом сценарии остается вероятность постепенной реставрации конфликта с возвратом талибов.

В соответствии со сценарием № 2 войска коалиции покидают Афганистан, не одержав победы. Причины такого исхода связаны с невозможностью достижения военного успеха, то есть установления контроля над всеми провинциями, включая и те, где размещены войска коалиции, а также с недостаточностью финансовых средств, неверностью союзников по коалиции. Сюда же можно отнести отказ верхушки талибов вести какие бы то ни было переговоры с «оккупантами» и их марионетками.

В результате для Барака Обамы Афганистан становится еще более тяж-

ким испытанием, чем Ирак для Джорджа Буша. Растут людские потери, афганская проблема постепенно вызывает все большее раздражение в американском обществе, что сказывается на популярности президента. Отсутствие позитивных результатов вынуждает Вашингтон отказаться от планов по умиротворению Афганистана. Официально американская миссия объявляется успешно завершенной, но фактически уход американских вооруженных сил означает поражение.

Вывод войск начинается в канун очередных президентских выборов 2012 г., вслед за этим Афганистан переживает период хаоса, и, в конце концов, талибы с триумфом возвращаются к безраздельной власти в стране или возглавляют разношерстную коалицию.

Новый режим будет заинтересован в обретении международной легитимности, а потому (нео)талибы вряд ли станут делать акцент на связях с «Аль-Каидой». Скорее всего, их отношения с экстремистским движением станут двойственными и упор в них будет сделан на общую идеологию.

Наиболее вероятен сценарий № 3. В его пользу говорят и нынешние действия американской администрации: противостояние с талибами затягивается на неопределенно долгий срок, и окончательное решение «афганского вопроса» раз за разом откладывается. На такой сценарий указывает то, что Обама объявил об усилении американской группировки в Афганистане. В середине 2009 г. там была задействована 55 тыс. военнослужащих США и 87 тыс. натовцев. При этом цель обозначена как «проведение ограниченных операций»³.

Следуя логике Обамы, одновременно США будут содействовать увеличению общего числа афганских вооруженных сил и силовиков до 400 тыс. чел. Однако даже если эту задачу удастся решить, вряд ли карзаевские воины будут обладать высоким уров-

нем профессиональной подготовки. К тому же нельзя полностью рассчитывать на их преданность режиму.

В известном смысле получается заколдованный круг. Численность войск может наращиваться в течение неопределенно длительного времени, их ограниченные операции будут трансформироваться в более масштабные. Потери станут расти, а раскол в Афганистане углубляться. Талибам не обязательно стремиться к обострению, они могут довольствоваться укреплением своих позиций в уже освоенных провинциях.

Специалист по Афганистану, Турции и странам Южной Азии Жиль Дорронзоро полагает целесообразным вывод большей части войск коалиции, считая, что после этого талибы окажутся лишены своего главного мобилизационного лозунга – джихада. Эксперт считает, что с талибами следует не вести переговоры о выводе войск, а поставить их перед свершившимся фактом.

Вывод войск, по мнению Дорронзоро, позволит США сосредоточиться на главной проблеме безопасности – деятельности «Аль-Каиды».

Далее Афганистан следует поделить на три части:

Махмуд Карзай и его оппоненты

Более реальным кажется «умиротворение Афганистана», если во главе страны окажется решительный диктатор, способный во имя разрушения «Талибана» на сверхжесткие меры.

Но, *во-первых*, даже если диктаторское правление обеспечит успех, он неизбежно будет временным, ибо борьба против радикального ислама в принципе не имеет силового решения.

Во-вторых, для достижения успеха диктатор все равно должен будет пойти на компромисс с теми же умеренными талибами.

– стратегическую зону, то есть территорию, контролируемую войсками коалиции (в первую очередь города);

– буферную зону, являющуюся прикрытием стратегической зоны;

– зону талибов.

Это позволит сконцентрировать внимание на уже контролируемых ключевых территориях, где можно приступить к созданию современных политических институтов, системы социального обеспечения и т.д.

Уход войск может быть расценен талибами как победа, что сделает их еще менее уступчивыми. Кроме того, они ведут джихад не только, да и не столько против зарубежного присутствия, сколько против «продажного режима» в собственной стране, стремясь к его свержению.

В то же время представленная схема внутренне последовательна и, вероятно, с некоторыми модификациями может быть использована при составлении более широкого плана. Главное достоинство подхода, предлагаемого Дорронзоро, парадоксальным образом содержится в его недостатках: возможно, в самом деле имеет смысл сосредоточиться на уже достигнутом, то есть активизировать социальную и политическую составляющую там, где она более эффективна.

В-третьих, хотя бы во имя собственно выживания он не станет вести непримиримую борьбу против наркотрафика.

В-четвертых, приведение к власти «афганского Саддама» будет означать отказ от провозглашенных намерений демократизировать Афганистан.

Наибольших успехов в политической игре со своими соратниками-соперниками «слабый» Карзай сумел достичь не только с помощью политической интриги и дипломатии, но и прибегая к прямому нажиму. Среди оппонентов Карзая – глава провинции Герат влиятель-

нейший Исмаилхан, получивший мало-значный пост министра энергетики; преемник вождя афганских таджиков Шах Масуда Мохаммед Фахим, назначенный сначала министром обороны, а потом отправленный в отставку – хотя и с сохранением звания маршала, – а также вождь местных узбеков Рашид Дустум, ныне проживающий в Турции.

При любом развитии событий необходимо оценить вероятность распада Афганистана. Представляется, что она крайне мала. Центристские тенденции, с какими бы силами они ни ассоциировались, в конце концов преодолеют центробежные. Афганские узбеки, таджики, хазарейцы не способны создать собственные государства и не стремятся к объединению со своими зарубежными братьями по крови. В свою очередь Узбекистан и Таджикистан могли бы представить себе воссоединение с этническими сородичами разве что в кошмарном сне. Пуштуны, которые являются нациеобразующим этносом, не испытывают особой враждебности к меньшинствам.

Гипотетический распад Афганистана вызвал бы неизбежную реакцию пуштунов Пакистана, среди которых есть сто-

ронники создания «Великого Пуштунистана». И хотя внутренние межэтнические трения сохраняются, целостность Афганистана в нынешних границах обеспечивается, как минимум, «силой сжатия», источником которой являются его соседи. Афганистан не распадется даже при внезапном уходе внешних сил. С этой точки зрения он представляется более прочным, чем Ирак.

Восстановление монархии сегодня является совершенно нереалистичным. Афганская проблема – часть взаимоотношений мусульманского мира с Западом, а до некоторой степени также с Россией и Китаем. Она привязана к Пакистану и имеет косвенную связь с Ираном.

Главное здесь, конечно, Пакистан, который в американской стратегии длительное время рассматривался как самостоятельное или полусамостоятельное направление.

Лишь в марте 2009 г. назначенный Обамой спецпосланник США по Афганистану и Пакистану Ричард Холбрук признал: «В прошлом правительства Соединенных Штатов... разрабатывали отдельную политику по Афганистану и отдельную по Пакистану. Нам придется объединить два эти направления, и, я надеюсь, мир нас в этом поддержит»⁴.

Пакистано-афгано-американский подход к конфликту

Нынешняя вашингтонская администрация, наконец, приступила к разработке нового трехстороннего – пакистано-афгано-американского подхода, но учитывая противоречия, существующие в пакистанском истеблишменте, на это уйдет немало времени.

Высказываются намерения подключить к афганской проблеме Иран, который с раздражением наблюдает за талибами, обладая при этом большим влиянием в населенных шиитами провинциях Афганистана. Однако полноценное подключение Тегерана к афганским делам невозможно без ради-

кального изменения отношений между Ираном и Соединенными Штатами. Между тем Вашингтон, по крайней мере теоретически, не исключает вероятности нанесения по нему военного удара, если Тегеран не откажется от разработки ядерного оружия. При таком повороте событий талибы получат дополнительную возможность для наращивания своего влияния. В целом же позиция Ирана остается скорее пассивной, чем активной, и вряд ли в ближайшем будущем он захочет принять участие в решении афганской проблемы.

Пассивна и позиция центральноазиатских государств.

Эти страны оказывают посильное содействие силам коалиции. Через них осуществляется транзит невоенных грузов НАТО, они предоставляют силам коалиции территорию для авиабаз поддержки.

Шанхайская организация сотрудничества устранилась от прямого участия в афганских делах, предпочитая ограничиваться риторикой, что очередной раз проявилось на конференции ШОС по Афганистану (март 2009 г.). Детище Китая, Шанхайская организация, вообще создавалась для иных, экономических, целей, и вряд ли она способна внести значимый вклад в разрешение афганского кризиса⁵.

Войска стран-участниц коалиции постепенно покидают Афганистан, стре-

мясь ограничить свой вклад помощью правящему режиму Кабула.

Европа выделяет дополнительно 100 млн. долл. для создания вооруженных сил Афганистана и 500 млн. долл. в форме гуманитарной помощи. Германия и Франция в соответствии с решением, принятым в апреле 2009 г. на саммите «Двадцатки», участвуют в формировании местных полицейских сил.

Таким образом, Америке еще долго придется нести основное бремя решения афганской проблемы. Причем в случае успеха, хотя бы и частичного, он будет «поделен» между другими участниками коалиции, в случае провала – виноватым окажется только Вашингтон.

Это понимают американские военные, которые весьма осторожно оценивают перспективы военного успеха в Афганистане.

Итак, афганский конфликт, который никогда не был собственно афганским, а с 1979 г. стал международным, невозможно оставить на произвол судьбы. Его невозможно и «заморозить»: он будет неизбежно разрастаться, что особенно опасно, учитывая связи талибов с международным экстремизмом.

Присутствие талибов закономерно, поскольку они выражают настроения значительной части афганского населения, а потому они никуда не исчезнут, какую бы политику ни избрали США, мировое сообщество и страны региона. Может меняться разве что степень их радикализации и, соответственно, готовность вступать во взаимодействие с внешними силами.

Решающие сражения с талибами еще впереди. Причем если сами они выражают уверенность в своей окончательной победе, то их противники так и не могут достичь согласия и определить оптимальный способ действий. При этом талибы готовы к затяжной войне, а коалиция во главе с США находится в цейтноте. Главная задача – добиться перелома в ближайшие два года.

Примечания

¹ Конференция «Региональная безопасность в окружении Афганистана: насколько эффективна борьба с терроризмом?» Алматы, 11–12 марта 2009 г.

² *Коргун В.Г.* Ситуация в Афганистане: перспективы развития // Афганистан и безопасность Центральной Азии. Вып. 3. Бишкек – Душанбе, 2006. С. 16.

³ *Реутов А.* Америка рвется в Афганистан всеми вооруженными силами // Коммерсантъ. 2009. 19 февраля.

⁴ http://news.BBC.Co.uk/go/PR/FR/-hi/Russian/international/newsid_

⁵ ШОС подготовился к встрече с НАТО // Газета. 2009. 29 марта.

⁶ *Geavan A.* Analysis: U.S.leaders say Afgan Was Stalemated // Washington Post. 2009. March 24.